

·the big book·

КНИГИ
Курбана Саида:

*

Али и Нино

*

Девушка
из Золотого Рога

*

Курбан
Саид

АЛИ И НИНО

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
С 14

Kurban Said
ALI AND NINO
Copyright © 1970 by Lucy Tal
First published in German by Tal Verlag, Vienna in 1937
All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.

Перевод с немецкого Софьи Ардынской
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-21287-9

© С. Ардынская, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Глава первая

«С севера, юга и запада Европа окружена морями. Естественные ее границы образуют Северный Ледовитый океан, Средиземное море и Атлантический океан. Крайней северной оконечностью Европы наука считает остров Магерё, южную ее оконечность образует остров Крит, а западную — Данмор-Хед. Восточная граница Европы проходит по территории Российской империи вдоль Урала, пересекает Каспийское море, а потом пролегает по Закавказью. Вот здесь наука еще не произнесла свой окончательный приговор. Если одни ученые относят область, расположенную южнее Кавказских гор, к Азии, то другие, в особенности учитывая культурное развитие Закавказья, полагают, что эта земля есть часть Европы. Таким образом, в некоторой степени от вашего поведения зависит, будет ли наш город принадлежать прогрессивной Европе или отсталой Азии».

Учитель самодовольно улыбнулся. У сорока мальчиков, учеников третьего класса императорской российской классической гимназии закавказского города Баку, при мысли о такой бездне учености и бремени ответственности перехватило дыхание.

Какое-то время все мы: тридцать магометан, четверо армян, двое поляков, трое сектантов и один

русский — потрясенно молчали. Потом Мехмед-Хайдар, сидевший за последней партой, поднял руку и произнес:

— Господин учитель, пожалуйста, позвольте нам остаться в Азии.

Ответом ему стал оглушительный взрыв смеха. Мехмед-Хайдар сидел в третьем классе уже второй год. Почти ни у кого не возникало сомнений, что если Баку и далее будет считаться частью Азии, то в третьем классе он останется еще на год. Кроме того, особым министерским указом уроженцам азиатских окраин России дозволялось сидеть в одном классе, сколько пожелают.

Облаченный, как положено по званию, в мундир русского учителя гимназии, Санин наморщил лоб.

— Выходит, Мехмед-Хайдар, вы хотите остаться азиатом? Ну-ка выйдите вперед. Вы можете обосновать свое мнение?

Мехмед-Хайдар встал перед классом, покраснел и замолчал. Он стоял, приоткрыв рот, нахмурившись, с глупым видом глядел в пространство и не говорил ни слова. И пока четверо армян, двое поляков, трое сектантов и один русский потешались над его глупостью, я поднял руку и объявил:

— Господин учитель, я тоже хочу остаться в Азии.

— Али-хан Ширваншир! И вы туда же! Хорошо, выйдите вперед.

Учитель Санин на миг прикрыл глаза, мысленно проклиная судьбу, изгнавшую его на берег Каспийского моря. Потом откашлялся и с важностью продолжал:

— А вы-то, по крайней мере, можете обосновать свое мнение?

— Да, мне в Азии очень хорошо.

— Так-так. А вы бывали в по-настоящему дикарских, нецивилизованных азиатских странах, например в Тегеране?

— Конечно, прошлым летом.

— Ах вот как. Можно ли увидеть там великие достижения европейской культуры, например автомобили?

— О да, и даже очень большие. Рассчитанные на тридцать и более человек. Они ездят не по городу, а курсируют между населенными пунктами.

— Это автобусы, и они заменяют железную дорогу. Вот что значит отсталость. Садитесь, Ширваншир.

Тридцать азиатов заликовали и стали бросать на меня одобрительные взгляды.

Учитель Санин раздосадованно замолчал, ведь в его обязанности входило воспитывать учеников достойными европейцами.

— А бывал ли кто-нибудь из вас, например, в Берлине? — вдруг спросил он.

Сегодня ему положительно не везло: сектант Майков поднял руку и объявил, что побывал в Берлине в раннем детстве. Он до сих пор живо помнил душную, пугающую подземную железную дорогу, шумные поезда и бутерброд с ветчиной, который приготовила ему мать.

Мы, тридцать магометан, несказанно вознегодовали. Сеид Мустафа даже попросил разрешения выйти, потому что при одном упоминании ветчины ему сделалось дурно. На том дискуссия о географической принадлежности города Баку и завершилась.

Прозвенел звонок. Учитель Санин с облегчением вышел. Сорок учеников бросились вон из клас-

са. Наступила большая перемена, и провести ее можно было за тремя занятиями: выбежать во двор и поколотить учеников соседнего реального училища за то, что они щеголяли в золотых пуговицах и золотых кокардах, в то время как мы довольствовались серебряными; или поговорить друг с другом по-татарски, чтобы нас не понимали русские, — в нашей гимназии это воспрещалось; и наконец, перебежать улицу, чтобы проникнуть в женскую гимназию Святой царицы Тамары.

В гимназии Святой царицы Тамары девочки в скромных синих форменных платьях с белыми передниками гуляли по саду. Меня поманила моя кузина Аише. Я проскользнул в садовую калитку. Аише шла, держась за руки с Нино Кипиани, а Нино Кипиани была самой прекрасной девочкой на свете. Когда я поведал им о том, как бросился в бой на полях географии, самая прекрасная девочка на свете наморщила самый прекрасный на свете носик и произнесла:

— Али-хан, какой ты глупый. Слава богу, мы в Европе. Если бы мы жили в Азии, я бы давным-давно уже носила покрывало и ты бы не смог меня увидеть.

Я признал себя побежденным. Неопределенное географическое положение города Баку позволило мне наслаждаться созерцанием самых прекрасных глаз на свете.

Опечаленный, я потихоньку ступешевался и прогулял остаток занятий. Бродил по узким улочкам, поглядывал на верблюдов, на море, думал о Европе, думал об Азии, о прекрасных глазах Нино и грустил. Навстречу мне попался нищий с покрытым гноящимися язвами лицом. Я подал ему милосты-

ню, и он хотел поцеловать мне руку. Я испуганно отпрянул. А потом два часа искал этого нищего по всему городу, чтобы дать облобызать руку. Ведь мне показалось, что я его оскорбил. Я его не нашел и мучился угрызениями совести.

Все это случилось пять лет тому назад.

За эти пять лет произошло множество событий. Нам назначили нового директора, который предпочитал хватать нас за воротник и трясти, ведь давать гимназистам пощечины строго воспрещалось. Учитель Закона Божьего весьма доходчиво объяснил, какую милость явил нам Аллах, позволив родиться магометанами. В класс к нам поступили двое армян и один русский, а двое магометан выбыли: один потому, что в свои шестнадцать лет женился, а другой потому, что на каникулах был убит врагами по законам кровной мести. Я, Али-хан Ширваншир, трижды побывал в Дагестане, дважды в Тифлисе, один раз в Кисловодске, один раз у дяди в Персии и чуть было не остался на второй год, так как не сумел отличить герундий от герундива. Мой отец поговорил о моем провале с муллою, и тот объявил ему, что вся эта латынь — пустое и вздорное безумие. После этого отец надел турецкие, персидские и русские ордена, поехал к директору, пожертвовал деньги на приобретение для гимназии какого-то физического прибора, и меня перевели в следующий класс. Тем временем в гимназии повесили плакат, гласивший, что ученикам строго воспрещается входить в здание с заряженными револьверами, в городе провели телефонную связь, открыли два кинематографа, а Нино Кипиани по-прежнему оставалась самой прекрасной девочкой на свете.

Всему этому вскоре предстояло закончиться, всего одна неделя отделяла меня от выпускных испытаний, и я сидел у себя в комнате и размышлял о бессмысленности латинских уроков на берегу Каспийского моря.

Комната моя, красиво обставленная, располагалась на третьем этаже нашего дома. На стенах висели темные бухарские, исфаханские, кашанские ковры. В извилах их узоров угадывались очертания садов и озер, лесов и рек — таких, какими представляли они в фантазии ткача, совершенно незаметные глазу невежды и невыразимо прекрасные для взора знатока. Кочевницы из далеких пустынь собирали в диких зарослях колючего терновника травы, из которых изготавливали красители. Тоненькие длинные пальчики выжимали сок из этих трав. Тайне этих нежных красок много веков, и зачастую ткачу требовалось целое десятилетие, чтобы завершить свой чудесный шедевр. Потом он вешает на стену ковер, испещренный таинственными символами, украшенный едва намеченными, лишь угадываемыми сценами охоты и рыцарских поединков, обрамленный каллиграфически вытканной строкой: стихом ли Фирдоуси, мудрым ли изречением Саади. Из-за множества ковров комната кажется темной. Низкий диван, два табурета, инкрустированных перламутром, много мягких подушек — и по всему этому разбросаны вызывающие крайнее раздражение и крайнюю же скуку книги, вместилище западной премудрости: учебники по химии, латыни, физике, тригонометрии — вздор, придуманный варварами, чтобы скрыть свое варварство.

Я со стуком захлопнул книги и вышел из комнаты. Узенькая застекленная веранда, откуда от-

крывался вид на двор, вела на плоскую крышу дома. Я поднялся наверх. Стоя на крыше, я окинул взглядом свой мир: толстую крепостную стену старого города и руины дворца с арабской надписью над входом. По лабиринту старинных улиц шествовали верблюды с такими тоненькими лодыжками, что возникало искушение их погладить. Передо мной возвышалась приземистая круглая Девичья башня — любимый предмет легенд и путеводителей. Дальше, за нею, начиналось море, лишённое всякой истории, свинцово-серое, бездонное Каспийское море, а за моей спиной простиралась пустыня с ее острыми утесами, песком и саксаулом, спокойная, безмолвная и непобедимая, самый прекрасный пейзаж на свете.

Я тихо сидел на крыше. Меня совершенно не интересовало, что существуют другие города, другие крыши и другие пейзажи. Я любил плоское море, и плоскую пустыню, и затесавшийся меж ними старый город, его разрушенный дворец и шумных людей, которые прибывали в этот город, искали нефть, а потом, разбогатев, уезжали отсюда, потому что не любили пустыню.

Слуга принес чай. Я отпивал глоток за глотком и думал о выпускных испытаниях. Они не слишком-то меня тревожили. Разумеется, я выдержу. Но даже если и останусь на второй год, тоже не беда. Тогда крестьяне у нас в имениях скажут, что я, со всем пылом возревновав о приличествующей мудрецу учености, не пожелал покинуть дом знания. Да и в самом деле жаль было уходить из гимназии. Серая форма с серебряными пуговицами и кокардой выглядела элегантно. В штатском платье вид у меня будет куда невзрачнее. Однако штат-

ское платье носить я буду недолго. Всего одно лето, а потом — да, потом поступлю в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Я сам его выбрал, там у меня будет немалое преимущество перед русскими. То, что им придется заучивать с трудом, я знаю сызмальства. А еще, нет красивее формы, чем у студентов Лазаревского института: красный мундир с золотым воротником, с узкой позолоченной шпагой и лайковыми перчатками даже по будням. Не будешь носить форму — русские тебя уважать не станут, а если русские меня уважать не станут, Нино за меня не пойдет. Но я должен во что бы то ни стало жениться на Нино, хотя она и христианка. Грузинки — самые прекрасные женщины на свете. А если она не захочет за меня выйти? Что ж, тогда я призову себе в помощь парочку лихих молодцов, переброшу Нино через седло и умчу ее через персидскую границу в Тегеран. Тогда уж она за меня непременно пойдет, что же еще ей останется-то?

Если смотреть с крыши нашего бакинского дома, жизнь представлялась прекрасной и несложной.

Керим, слуга, тронул меня за плечо.

— Пора, — промолвил он.

Я встал. Действительно, мне стоило поторопиться. На горизонте, за островом Наргин, показался пароход. Если верить бланку с печатным текстом, доставленному нам домой телеграфистом-христианином, то на этом пароходе плыл к нам мой дядя со своими тремя женами и двумя внуками. Мне надлежало его встретить. Я сбежал по лестнице. Мне подали карету, и мы быстро покатали вниз, к шумной гавани.

Мой дядя занимал весьма высокое положение. Шах Насер ад-Дин удостоил его особой милости, даровав ему титул Ассад ад-Довле — «Лев империи». Иначе его и величать нельзя было. У него было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и обширные поместья в Мазендеране. Ради одной из своих жён, малютки Зейнаб, он и прибыл в Баку. Ей сравнялось всего восемнадцать, и дядя любил ее больше прочих жён. Она была больна, она не могла забеременеть, а именно от нее дядя хотел детей. Для исцеления от бесплодия она уже ездила в Хамадан. Там посреди пустыни возвышается высеченная из красноватого камня статуя льва, устремившего задумчивый взор куда-то вдаль. Ее воздвигли древние цари, от которых и имен не осталось. Вот уже много веков женщины совершают паломничество к этому каменному льву, уповая на то, что теперь смогут испытать радость материнства и родить множество детей. Но лев не помог бедняжке Зейнаб. Столь же бессильны оказались амулеты дервишей из Кербелы, заклинания мудрецов из Мешхеда и тайные искусства тегеранских старых ведьм, знающих все секреты любви. Теперь она приехала в Баку, чтобы благодаря знаниям западных врачей излечиться от недуга, который не сумела победить местная, восточная, мудрость. Бедный дядя! Ему пришлось взять с собой и двух других жён, старых и нелюбимых. Этого требовал обычай: «Можете иметь одну, двух, трех или четырех жён, если будете обращаться с ними одинаково». Но обращаться одинаково означает и одаривать одинаково, и радовать одинаково — и вот уже все три жены едут вместе с моим дядей в Баку.

По совести говоря, меня все это касаться не должно. Женщинам место в андеруне, закрытых от посторонних глаз домашних покоях. Благовоспитанный человек не упоминает о женах, не задает о них вопросов и не передает им привет. Они — тени своих мужей, даже если их мужьям покойно только в тени этих женщин. Это мудрый, добродетельный обычай. «У женщины ума не больше, чем на курином яйце волос», — гласит одна из наших пословиц. Созданий, лишенных ума, надлежит неусыпно охранять, а не то они навлекут несчастье на себя и на других. Думаю, это мудрое правило.

Маленький пароход подошел к причалу. Матросы с широкой волосатой грудью спустили сходни. Пассажиры — русские, армяне, евреи — ринулись вниз в безумной спешке, торопясь как можно скорее попасть на твердую землю, словно речь идет о жизни и смерти. Мой дядя не показывался. «Торопливость внушает дьявол», — всегда повторял он. И только когда все пассажиры сошли на берег, на палубе показалась величественная фигура «Льва империи».

Он был облачен в сюртук с шелковыми лацканами, на голове его красовалась маленькая круглая черная каракулевая шапочка, а на ногах — туфли без задников. Его окладистая борода была крашена хной, как и ногти, в память о крови, тысячу лет тому назад пролитой мучеником Хуссейном за истинную веру. Маленькие его глазки смотрели устало, двигался он медленно. За ним шагали, явно взволнованные, три женщины, с головы до пят окутанные непрозрачным черным покрывалом, — его жены. А за ними шествовали двое внуков, которым вменялось в обязанность оберегать

честь его светлости: один, всем своим ученым видом напоминавший засушенную ящерицу, другой — маленький, пухлый и горделивый.

Дядя медленно сошел по сходням. Я обнял его и почтительно поцеловал в левое плечо, хотя на улице такое изъятие вежливости и не считалось обязательным. Его жен я не удостоил и взглядом. Мы сели в карету. Женщины и евнухи поехали следом в закрытых колясках. Перед нами открывался столь восхитительный вид, что я приказал кучеру двинуться в объезд по Приморскому бульвару: пусть дядя, как положено, восхитится моим городом.

На Приморском бульваре стояла Нино, глядя на меня смеющимися глазами.

Дядя, неторопливо, с достоинством поглаживая бороду, спросил, что нового в городе.

— Да ничего особенного, — произнес я, вполне осознавая свою задачу: мне надлежало начать с каких-то пустых мелочей и лишь потом перейти к вещам действительно важным. — Дадаш-бек на прошлой неделе заколол Ахунда-заде, потому что Ахунд-заде вернулся в город, хотя восемь лет тому назад он похитил жену Дадаш-бека. Дадаш-бек заколол его в тот же день, когда он приехал в город. Теперь его разыскивает полиция. Но не найдет, притом что все знают, что Дадаш-бек засел в Мардакяне. Умные люди говорят, Дадаш-бек поступил правильно.

Дядя одобрительно кивнул:

— Нет ли еще каких новостей?

— Да, в Биби-Эйбате русские открыли очередное богатое месторождение нефти. Нобель привез в наши края большую немецкую машину, чтобы

засыпать часть моря и пробурить нефтяные скважины.

Дядя очень удивился.

— Аллах, Аллах, — промолвил он, озабоченно поджав губы.

— Дома у нас все благополучно, и, если Богу будет угодно, на следующей неделе я покину дом знания.

Так я говорил и говорил, а старик с торжественным и сосредоточенным видом слушал. И только когда карета уже стала подъезжать к нашему дому, я отвел глаза в сторону и произнес:

— В город приехал из России один знаменитый врач. По слухам, он очень сведущ в своем ремесле и по лицу человека читает его прошлое и настоящее, чтобы провидеть его будущее.

Дядя внимал мне с притворной скукой, приличествующей его положению, слегка прикрыв глаза. Совершенно безучастно спросил он меня, как зовут мудреца, и я понял, что он очень доволен мною. Ибо я вел себя, как пристало достойному, хорошо воспитанному молодому человеку.

Глава вторая

Втроем — мой отец, мой дядя и я — сидели мы на плоской, защищенной от ветра крыше нашего дома. Было очень тепло. На крыше были разостланы мягкие разноцветные карабахские ковры, украшенные варварскими гротескными узорами, и мы сидели на них по-турецки. За спиной слуги держали фонари. Перед нами на ковре было расставлено великое множество восточных лакомств: пахлава, засахаренные фрукты, барашек на вертеле, плов с курицей и изюмом.

Как и прежде, я восхищался изяществом, с которым вкушали яства мой отец и мой дядя. Одной правой рукой они отрывали большие куски лепешек, раздвигали их, словно кармашек, наполняли мясом и отправляли в рот. Необычайно элегантно мой дядя запускал три пальца правой руки в блюдо с жирным дымящимся пловом, брал горстку, сминал ее, вылепливая шарик, и клал в рот, не уронив ни единого рисового зернышка.

Ей-богу, русские непомерно кичатся своим умением есть ножом и вилкой, хотя и дурак овладеет им за какой-нибудь месяц. Я спокойно ем ножом и вилкой и знаю, как положено вести себя за столом у европейцев. Но хотя мне уже восемнадцать, я не могу с таким же благородством манер, как мой отец и мой дядя, всего тремя пальцами правой руки

расправляться с целым рядом восточных яств, даже не запачкав ладонь. Нино называет наши застольные обычаи варварскими. В доме Кипиани всегда едят, сидя за столом, по-европейски. У нас так едят, только когда в гости приходят русские, и Нино ужасается при мысли, что я сижу на ковре и ем руками. Она забывает, что ее собственный отец впервые взял в руки вилку, когда ему исполнилось двадцать.

Полужинав, мы помыли руки. Дядя произнес краткую молитву. Потом кушанья унесли. Подали маленькие чашечки с густым темным чаем, и дядя принялся разглагольствовать, как это обычно делают пожилые люди после обильной трапезы, странно и весьма многословно. Мой отец лишь иногда вставлял несколько слов, а я и вовсе молчал, как того требовал обычай. Говорил только мой дядя, а предметом своим, как всегда приезжая в Баку, избирал времена великого Насер ад-Дина, при дворе которого он некогда играл важную, хотя и не очень понятную роль.

— Тридцать лет, — промолвил дядя, — возлежал я на ковре милостей, каковых удостаивал меня по доброте своей шахиншах. Трижды его величество брал меня с собою в заграничные путешествия. Во время этих поездок я узнал мир неверных лучше, чем кто бы то ни было. Мы посещали императорские и королевские дворцы и встречались с самыми знаменитыми христианами нашего времени. Это очень странный мир, но самое странное в нем то, как там обходятся с женщинами. Женщины, даже супруги королей и императоров, расхаживают по дворцам, сильно оголившись, и никогда это не возмущает, быть может, потому, что среди

христиан нет настоящих мужчин, быть может, по какой-то иной причине, одному Аллаху ведомо. Зато неверных возмущают совершенно безобидные вещи.

Однажды его величество был приглашен на пир к царю. Рядом с ним сидела царица. На тарелке его величества лежал лакомый кусочек курятины. Его величество взял этот лакомый жирный кусочек — как полагается по всем правилам, тремя перстами правой руки — и переложил его со своей тарелки на тарелку царицы, чтобы тем самым оказать ей любезность. Однако царица побледнела как полотно и от страха закашлялась. Позднее до нас дошли слухи, что многие придворные и великие князья были до глубины души потрясены этим простым жестом вежливости, совершенным его величеством шахом. Вот сколь унижительное положение занимают у европейцев женщины! Их оголяют перед всем миром, с ними можно обходиться сколь угодно невежливо! Французскому посланнику было даже позволено после окончания пира обнять супругу царя и закружиться с ней по залу под звуки отвратительной музыки! Сам царь и многие офицеры его гвардии взирали на это зрелище совершенно спокойно, и никто и не подумал защищать честь царя.

В Берлине мы стали свидетелями зрелища еще более странного. Нас привели в оперу. На большой сцене стояла толстуха и пела омерзительным голосом. Опера называлась «Африканка»¹. Голос певицы не пришелся нам по вкусу. Кайзер Вильгельм, заметив это, тотчас повелел наказать эту женщину.

¹ Опера Джакомо Мейербера на либретто Эжена Скриба (1865). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Саид К.

С 14 Али и Нино : роман / Курбан Саид ; пер. с нем. С. Ардынской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-21287-9

Подлинное имя автора, скрывающегося за псевдонимом Курбан Саид, до сих пор вызывает споры. Его знаменитый роман «Али и Нино» был впервые опубликован в 1937 году в Вене. Долгое время книга считалась утраченной, и только в 70-е годы XX века был обнаружен ее английский перевод. Персонажи книги триумфально вернулись на прилавки книжных магазинов, чтобы стать одной из самых известных влюбленных пар XX века. Сегодня роман переведен на тридцать три языка, по нему ставят пьесы, снимают фильмы, а в Батуми его героям установили памятник.

Накануне русской революции 1917 года пылкий мусульманин Али и прекрасная христианка Нино полюбили друг друга. Они почти не надеются связать свои судьбы, ведь подобный союз запрещают религия и обычаи. Благодаря заступничеству друга, убеждающего их близких согласиться на этот брак, их страстная мечта получает шанс осуществиться...

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

КУРБАН САИД
АЛИ И НИНО

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Игнатьева, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.05.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-MBB-30221-01-R